

Б Е Р Т А
ЛАНДАУ

ЧТО ТОГДА БУДЕТ С НАМИ?..

Берта Ландау

Что тогда будет с нами?..

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ландау Б.

Что тогда будет с нами?.. / Б. Ландау — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-091215-5

Они встретили друг друга на море. И возможно, так и разъехались бы, не узнав ничего друг о друге. Если бы не случай. Первая любовь накрыла их, словно теплая морская волна. А жаркое солнце скрепило чувства. Но что ждет дальше юную Вольку и ее нового друга Андрея? Расставание?.. Они живут в разных городах – и Волька не верит, что в будущем им суждено быть вместе. Ведь случай определяет многое в судьбе людей. Счастливый и несчастливый случай. В одно мгновение все может пойти не так. Достаточно, например, сесть в незнакомую машину, чтобы все изменилось... И что тогда будет с любовью?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091215-5

© Ландау Б., 2018
© Эксмо, 2018

Берта Ландау Что тогда будет с нами?.

*О, как я поздно понял,
Зачем я существую,
Зачем гоняет сердце
По жилам кровь живую,
И что порой напрасно
Давал страстям улесться,
И что нельзя беречься,
И что нельзя беречься.*

Давид Самойлов

© Ландау Б., 2018

© Симонов В., портрет Б. Ландау, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э»», 2018

* * *

Вставать строго запрещалось. Можно было подумать, эти врачи что-то по-настоящему понимали. Им лишь бы ни за что не отвечать. Давали свои дрянные лекарства, от которых только живот болел, и запугивали. И совершенно понятно, почему запугивали. Потому что сами боялись. Прикрывали свою задницу. Лежать больная лежала, лекарства глотала, а кто не спрятался – я не виноват. Помрет, так сама по себе.

Волька не собиралась помирать ни в коем случае. Наоборот. Ей надо было жить долго и сделать счастливыми несколько очень важных для нее людей. Чувствовала она себя прекрасно, несмотря ни на что. И пусть на голове ее была повязка да в челке, не охваченной бинтами, застряли осколки стекла, а на ноге синяк и кровоподтек – голова работала четко, почти не кружилась, мысли были ясные. Что еще надо? Разве сравнить с прошедшей ночью? Жуть, если вспоминать. А вспоминать хотелось, причем во всех мельчайших деталях. Обязательно надо было доказать себе, что сегодня с ее памятью все в полном порядке. Ведь вчера с ней случилось то, что бывает только во всяких выдуманных книжках и дурацких сериалах: она потеряла память! По-настоящему, всерьез забыла, кто она, как ее зовут и все прочее, относящееся к ее жизни. Узнала она и то, как называется эта штука по-научному. Амнезия! Красиво! Но не дай бог никому. Те, кто все это придумывает ради красоты и увлекательности сюжета, сами такое наверняка не пережили. Иначе пожалели бы своих выдуманных героев и не заставляли бы их так адски мучиться, как мучилась вчера она, настырно пытаясь вспомнить хоть что-то про себя.

И ведь ничто не предвещало. Хотя – как сказать.

Если вспоминать месяц, который они провели у моря, то это, конечно, было сплошное непрерывное счастье. С утра до темной южной ночи. Раньше Волька даже не представляла себе, что можно так жить: просыпаться с радостной улыбкой и засыпать безмятежно, убаюканной морем. Слышать его шум, запах, ощущать его силу и нежность. И уходить в сон в объятиях – не человека, человек наверняка так обнять не сможет, – а самой любви. Она так и сказала себе, впервые увидев море, что вот это – огромное, искрящееся, живое, яркое – и есть любовь. Она до этого все ждала любовь, все спрашивала себя, а есть ли она, не врут ли о ней, как врут постоянно обо всем остальном, придет ли? А повстречавшись с морем, сказала ему:

– Люблю тебя!

И море, шепча, легло к ее ногам. Тут же отозвалось без слов. Да, стоило ждать, пока тебе исполнится почти восемнадцать лет, чтобы впервые увидеть такой дивный дар жизни.

Ей так давно хотелось к морю!

Все ее одноклассники постоянно бывали на разных морях и океанах, рассуждали, как настоящие эксперты, об их отличиях, характерах, хвалили, пугали. Она слушала молча, никому и никогда не признаваясь, что ни разу не видела это чудо, которое для других было обыденностью. Иногда она даже врала про свои летние каникулы и делилась выдуманными впечатлениями о пляжном отдыхе, но в подробности не вдавалась, боясь разоблачения. Говорила, как правило, что провела все время на лежаке у моря. С книжкой. И не о чем рассказывать. Разве только о том, что в книжке написано.

Вольке всегда верили. Она вообще-то была честная и вполне надежная, а про ее личные слабости никто не догадывался. В гостях у нее никто не бывал, так как-то всегда получалось, что об этом даже речи никогда не заходило. А в остальном – человеком она была компанейским, веселым, и звали ее на все классные дни рождения и на всякие другие «встречи друзей». Никто и не догадывался, что мысленно Волька произносит словосочетание «встреча друзей» с большой и злой иронией. Она не верила в дружбу. Подружки у нее были. Но разве им можно доверять? Волька бы не стала доверять ни одной. Знала, как это бывает: тебе улыбаются, лепечут с тобой о всяких делишках, а попробуй только скажи о чем-то серьезном, о настоящей тайне, тут же с огромным удовольствием разнесут по всем соцсетям. Чем серьезнее тебе клялись в том, что будут молчать, тем быстрее примутся перемывать твои несчастные кости с другими, чтобы набить себе, любимой, цену. Да, владение секретной информацией возвышает нас – и в собственных и в чужих глазах. Причем в собственных глазах – прежде всего. К счастью, ума у Вольки хватало ничем ни с кем не делиться. А выводы свои она делала, наблюдая жизнь из невидимой амбразуры невидимого окопа, который давно уже выстроила ради собственной самозащиты.

И даже самой близкой своей, практически единственной настоящей подруге Галке она не рассказывала о себе ничего. То есть Галка, с одной стороны, знала все. Про отметки, про планы, про любит – не любит. И совершенно ничего настоящего. Про то, как бывает по-настоящему плохо. И про то, о чем Волька мечтает на самом деле. Смешно сказать: Галка ей даже завидовала. У нее-то родители все время грызлись и лаялись, ей уроки приходилось делать в туалете, на коленке, когда возникала очередная семейная трагедь. Трагедь – это Галкино личное слово, ни от кого больше Волька его не слышала. Трагедия – слишком серьезно и страшно. Трагедия – это когда все безнадежно плохо по-настоящему и от тебя ничего не зависит и зависеть не может вообще. А не очень серьезное слово «трагедь» точно обозначало жизнь подружкиной семьи.

Родители Галки жили шумно, бурно, буйно, ни от кого не тая свои чувства. Они вечно ревновали, обвиняли, проклинали, просили прощения, мирились, вспыхивали, как порох, ни с того ни с сего, без всякой системы и логики. При этом им казалось, что все происходящее – их личное дело, Галку они любят, холят и лелеют, обеспечивают, кормят-поят и оберегают. А все остальное – их приватное пространство.

С такими взглядами хорошо жить в средневековом замке. Супруги в одной башне. Дети с няньками – в другой. А между ними еще ряд парадных и церемониальных залов, библиотека в сто тысяч томов и длинный переход с привидениями. При таком-то устройстве ни один непотребный звук не доносился бы до детских чутких ушей. Разве что уханье смертельно напуганных чем-то привидений по ночам. Но дети по ночам обычно спокойно спят, если им не досаждают родители своей «приватной жизнью».

В условиях же простой двухкомнатной квартиры в панельном доме не быть вовлеченными в «трагедь» никак не получалось. Галкина главная мечта была – закончить школу,

поступить учиться, попутно начать работать, хоть кем, взять ипотеку, купить крохотную конурку и свалить из родного гнезда. Замуж она не собиралась ни при каком раскладе. Насмотрелась на сладкую семейную жизнь. Ей больше всего хотелось тишины, порядка, покоя, уюта, который никто не разрушит в припадке ярости.

– Тебе хорошо, – постоянно повторяла она, – твои спокойные, тихие. Вот счастье. Ты не ценишь. Вот пожила бы с моими, крышу бы сорвало реально.

Волька неизменно кивала, что, мол, да, ей очень хорошо. У нее все просто отлично. На зависть другим. Она вроде бы соглашалась – и молчала. Хотя с Галкой ей было вполне нормально. Та ценила тишину и молчание, как редкий дар, но унаследованный ею родительский темперамент проявлялся в любви к приключениям, в большом любопытстве к жизни и в умении пошутить над собой в случае провала.

Волька тоже любила приключения, любила отчаянную смелость и безудержное веселье. Только она не хотела никого пускать в мир родительской семьи. Она, как и ее подруга, тоже мечтала поскорее зажить самостоятельно. Родители любили ее, очень любили, и она их тоже. Но вместе с ними жить становилось все труднее и труднее. Волька чувствовала себя связанной по рукам и ногам их любовью и заботой. Они наверняка хотели, чтобы дочь их жила, как и они, тихой домашней жизнью, никуда не ездила, ничего настоящего не видела. Они даже в свой отпуск никогда никуда не летали! Отправлялись только на свою несчастную дачу с туалетом во дворе. И там, на этой даче, весь отпуск исправно копались в своих любимых цветочках и грядочках. И радовались, когда у них что-то вырастало, распускалось. Самый главный кайф у них. Когда-то, в незапамятные времена, еще до рождения ненаглядной дочери, они очень даже активно путешествовали, судя по сохранившимся фоткам. Где только они не побывали.

Им, значит, хватило. А то, что дочери тоже необходимо увидеть все своими глазами, они и не думали принимать во внимание.

– Другие времена настали, – отвечали ей родители на просьбы отпустить ее в какой-нибудь тур вместе с подружками. – Другие времена. И нужна осторожность. Ты у нас одна. Подумай о нас. Вот вырастешь...

Они, конечно, думали, что никогда она не вырастет. Так и надеялись, что просидит всю свою жизнь возле них, как приклеенная. А Волька взяла и выросла. И школу этим летом окончила. И в институт поступила. И даже тогда думала, что ничего ей светить не будет, придется отбывать свой срок на ненавистой даче, поливать огурцы и слушать нескончаемые материнские разговоры про все на свете. Эти истории, многократно рассказанные, она могла повторить слово в слово даже спросонок. От них можно было спрятаться только в туалете (но там долго не просидишь). Или если сказать, что нужно срочно готовить какой-то реферат. Немедленно. Тогда мама замолкала, и можно было сидеть в своей комнате с книжкой. Интернета на даче не было. У всех вокруг был, а у них нет. Родителям ведь все это внешнее было не нужно. Вот и ей полагалось не хотеть того, чего не хотели ее любящие родители.

Поездка к морю случилась неожиданно. Сама собой. Наверное, только так и случается истинное счастье – его уже не ждешь, устаешь надеяться, а оно вдруг – раз: вот я! Давайте скорее обнимемся!

У Галки зимой умерла тетя. Старшая сестра отца. Жила она не в Москве, а на далеком берегу Черного моря. На самом-самом берегу, в собственном доме, который сама построила – в совершенно прямом смысле сама. Она была архитектором-строителем, уехала когда-то по распределению в приморский город, получила от работы участок земли на берегу, никто в те странные времена еще не хотел брать там участки, слишком далеко от города, да и места дикие, без всякой инфраструктуры. А тетя с удовольствием взяла предложенную землю и стала воплощать свою мечту детства – строить свой дом. И построила. Вокруг него тоже

выросли дома, но тетино творение было самым примечательным. Еще бы! Дом мечты профессионального архитектора. Красота. Некоторые дома по соседству она и проектировала: ее собственное детище было лучшей рекламой ее мастерства. В конце концов она поселилась в своем прекрасном доме, а в пристройку пускала на лето отдыхающих. Городскую квартиру тоже сдавала. Выполняла частные заказы, в которых недостатка не было. Тетя чувствовала себя вполне счастливой. Галку она забирала каждый год на все лето. Для Галки это было настоящим отдыхом. Не только от школы, главное – от собственной семьи. С тетей они всегда прекрасно ладили. Именно глядя на свою любимую тетю, Галка решила, что будет жить свою взрослую жизнь, как она: одна, сильная, самостоятельная, независимая. Она не раз спрашивала тетю о плюсах и минусах такой жизни. И тетя всегда говорила, что все у нее хорошо, только вот ребенка надо было родить годам к сорока. Замуж выходить – зачем оно надо? – а вот ребеночка своего, который рос бы у моря, радовался солнышку, жил бы легко и радостно, это да. Этого не случилось. И это жаль. Быть может. Но раз не дано – так что же? Значит, такая у нее судьба. Такая доля. Все правильно говорила тетя. Галка точно так же планировала жить. Будет существовать в самостоятельности и покое, а там видно будет. Но главное – тишина в доме.

Тетя умерла внезапно: сердце. Всегда была здоровая, крепкая, плавала по утрам в любую погоду, на высокие горы забиралась. Но почему-то организм дал какой-то сбой. Был здоровый и бодрый человек, и вдруг – стоп. И все-таки тетя, видимо, что-то предчувствовала. Почему-то прошлым летом, когда Галка у нее гостила, тетя вручила ей завещание. По завещанию все ее имущество, включая дом у моря с участком, предназначалось Галке.

– Ты что? Ты зачем? – испугалась племянница.

Но тетя тогда сказала, что умирать не собирается. Однако завещание составить обязан каждый культурный человек. Тем более в данном случае ей очень важно, чтобы все досталось именно Галке: младший тетин брат, Галкин отец, редко к ней заглядывал. А те несколько дней, когда родители заезжали к родственнице, чтобы забрать дочь в Москву после каникул, обычно проходили в привычных для них криках, упреках и выяснениях, от которых все вокруг чувствовали себя больными и несчастными.

– Кто их знает, твоих веселых родителей? – объяснила тетя свое решение. – Лаются они день за днем двадцать лет подряд, вроде им так нравится, а глядишь – вдруг возьмут и разведутся? И кому тогда все достанется после меня? Совершенно чужой бабе. Если вдруг папа надумает еще раз жениться – чисто гипотетически, – то тебе дом мой не видать как своих ушей. А нам с тобой тут хорошо. Вот ты и владей. А они захотят приехать, пусть едут. Но хозяйкой будешь ты. И матери твоей не обидно, и мне приятно.

– Теть Нат, ну зачем ты так? Ты еще молодая. Почему сейчас? – переживала Галка.

Но дело было сделано. Завещание подписано, заверено. Родителей тетя тоже известила, объяснив им свое решение. Те, в свою очередь, тоже подивились тому, что как-то рановато Наталья о смерти заговорила. Но через полгода оказалось, что ничего не рановато.

Неужели она что-то заранее почувствовала?

Через полгода пришло время вступать в права наследования. Галке как раз исполнилось восемнадцать. Школа позади. В университет поступила. Она и так собиралась, как всю свою жизнь перед этим делала, поехать на море к тете, чтобы провести с ней остаток лета. Вот и поехала, как собиралась, да только тети больше не было. Пустой дом стоял и ждал свою новую хозяйку. Одной Галке ехать было ужасно грустно. Она позвала Вольку, совершенно не надеясь на то, что подругу с ней отпустят. Ведь не раз перед этим она звала ее вместе поехать к тете, но Вольку почему-то родители не отпускали. Даже Галкина мама как-то звонила Волькиной маме, расписывала дивные удобства дома и красоты моря, температуру воды в купальный сезон и свежесть фруктов прямо с деревьев и овощей с собственного огорода. Всегда в ответ звучал вежливый отказ, сопровождаемый разными витиеватыми благо-

дарностями за внимание и доброту. Но на этот раз, едва Галка заговорила о том, что вот бы здорово было поехать вместе, Волька просто сказала:

– Я еду. Стопудово.

– А твои что скажут?

– Я все равно поеду. У нас была договоренность, что, когда я вырасту, закончу школу, поступлю в институт, наступит моя самостоятельная жизнь. Так что сейчас решаю я. Что бы они ни говорили.

У Вольки даже деньги на билет туда-обратно были. Она, конечно, не на билет их откладывала. Но словно чувствовала, собирала на что-то деньги, какие получалось собрать. Так что даже если бы родители снова начали кудахтать про то, что мир вокруг роковым образом изменился и необходима предельная осторожность, она бы просто поставила их перед свершившимся фактом и отправилась бы во взрослую жизнь – к собственному счастью.

Как ни странно, ее отпустили. Видно было, что трудно им это далось. Но обещания свои родичи держали всегда, этого не отнять. Денег дали на билеты и на жизнь. Вручили подарок – самый новый гаджет, просто неприлично дорогой. Волька никогда о таком и не мечтала. Понятное дело – у родителей был свой интерес. Они хотели, чтобы дочь всегда была в пределах досягаемости. Звонить просили по утрам и вечерам. И даже очень живо интересовались, есть ли в этом доме у моря Интернет. Они, мол, обязательно теперь установят на даче Интернет и будут с Волькой беседовать по скайпу. Волька прямо зауважала своих! Так смиренно они приняли начало ее взрослой жизни. У нее даже затеплилась надежда, что какое-то время она еще сможет с ними сосуществовать под одной крышей.

Но сначала море! Море все решит. Главное – увидеть и услышать.

Волька все равно не ожидала, что море такое. Оно было живое и совершенно независимое. То есть – к человеку не относилось никак. Оно существовало само по себе, и жизнь его выглядела невероятно манящей и прекрасной, хотя и не всегда доброй. Море дивно пахло – радостью, солнцем и приключениями. Море шумело, шептало, гудело, плюхалось, вздымалось – и все происходило в четком ритме, понятном тем, кто его любит и чувствует.

Дом стоял почти у самого моря. Сначала песчаный пляж, вдоль него вилась узкая асфальтированная дорога, по которой машины почти не ездили: только хозяева домов на Маячной улице подъезжали к своим воротам. Вечерами по дороге, усаженной цветущими деревьями, гуляли отдыхающие. На пляже играли в волейбол – до полуночи. А в кустах со стороны моря вечерами устраивались парочки. Именно поэтому дом не так давно пришлось обнести глухим высоким забором, чтобы поменьше было видно и слышно сцен из жизни южного пляжа. Конечно, не было бы забора, морем можно было бы любоваться непрерывно. Но и к ним во двор заглядывали бы все кому не лень.

Через раздвижные стеклянные двери-окна первого этажа был виден прекрасный сад, старые яблони, вишни, абрикосы, алыча плодоносили, виноградные побеги вились вдоль специально устроенных для них арок. Солнце пробивалось в огромное пространство гостиной через зелень, все светилось оттенками зеленого, рождая радость и покой. Зато во все окна спальни второго этажа смотрело море. Море и небо – вот, что видела Волька, открывая глаза каждое утро. Море просыпалось не сразу. Сначала его укрывал туман, потом легкая дымка, а когда и она рассеивалась, лазурная даль дарила такое счастье и столько обещала, что казалось, за спиной крылья растут – вот расправятся, и можно лететь, далеко-далеко, за горизонт, где счастья еще больше и жизнь еще интереснее.

Третий этаж нравился Вольке больше всего. Благодаря раздвижной крыше, большая часть его оставалась все лето открытой – там они и загорали, наплававшись в море. Загорать можно было голышом, ощущая себя первобытными людьми на необитаемом острове. Иногда они с Галкой шли на третий этаж ночью и лежа смотрели на небо. Волька чувствовала

себя космонавтом, отправившимся в путешествие по Вселенной. Оказалось, что и Галка со своей тетей, собираясь идти смотреть на звезды, говорили:

– Пойдем в открытый космос.

У них был самый надежный космический корабль – планета Земля. Дар, который почти никто из живущих не осознает и не ценит. Дыхание бесконечной и безмятежной жизни особенно ощущалось ночью: звезды манили, звали, море шумно дышало, запахи сонного сада убеждали в существовании дивных чудес. Иногда они так и засыпали – под открытым небом, под ясными звездами. С Галкой так хорошо было молчать! Она так не любила «открытые эмоции», которыми благодаря родителям была сыта по горло, что молчание человека, находящегося рядом, считала самым лучшим качеством. На этом, видно, они и сошлись. Волька была немногословной. Кто-то называл ее каменной, непробиваемой, замкнутой. Все ерунда. Она-то как раз про себя знала совсем другое: она была слишком мягкой, слишком остро все воспринимающей, слишком открытой, чтобы вот так запросто взять и подставиться: нате, бейте меня мозолистыми пятками по моим болевым точкам. Нет уж, не дождетесь. Мешал Вольке и пример матери – та тоже застывала в моменты переживаний. Становилась молчаливым истуканом. Прямо на глазах превращалась из живого человека в серый камень. Удобно, конечно. Мимо серого камня все проходят, не оглянувшись. Но Вольке очень не хотелось каменеть и прятаться. Только вот как сбросить с себя каменный панцирь, она пока не знала.

Галка была очень веселой, насмешливой, быстрой и при этом по-настоящему закрытой. Только не все об этом догадывались. Люди часто путают улыбчивость с открытостью. Впрочем, какая разница, что с чем путают люди? Этим летом Галка выглядела по-настоящему печальной. Она все никак не могла привыкнуть жить без Наточки, самого близкого своего человека. Каждое лето ее жизни проходило здесь, у моря, в прекрасном доме, созданном тетей, научившей Галку, когда та была еще ребенком, понимать и любить красоту, видеть ее в простоте и гармонии. Тетя так любила жизнь! Она была такой подвижной и деятельной. И совсем не старой! К ней и обращались: «девушка». В ее облике и правда было что-то девичье: стройность, быстрота, легкость. Тетя сама много раз говорила Галке, чтобы та не боялась цифр:

– Представь, люди вполне спокойно доживают и до девяноста пяти, и до ста. И остаются в здравом уме. И двигаются. Некоторые даже влюбляются и замуж выходят. Так что мне еще много лет гарантировано. А вообще-то я хочу дожить до твоего пятидесятилетия. Чтобы у тебя были внуки, мои правнуки. И чтоб я их понянчила тут. Вот моя генеральная цель.

Галка не сомневалась – именно так все и будет. Она никогда не думала о Наточкиной смерти. Как же так получилось, что она вдруг ушла? Ну не может этого быть, чтобы по своей воле. Не может быть, чтобы ее организм так легко и внезапно отказался от жизни.

Однажды, лежа под звездами, Галка сказала, словно про себя, словно не Вольке, а небу:

– Никогда я не поверю, что Ната вот просто так взяла и умерла. Что-то было. Что-то, чего я не знаю. Почему это завещание? С какой стати? Сама говорила: еще много-много лет будет жить, а вдруг... Нет... Тут что-то не то. Может, кто-то ее отравил? Или удушил? А все решили, что это нормально. Никому ничего не надо. Всем плевать. Но я все равно не поверю.

– Во что? – удивилась Волька, ужаснувшись мысли о том, что Галкину тетю могли убить прямо тут, в этом прекрасном, надежном доме.

– Не поверю, что она сама умерла.

– Ты думаешь?..

– Стопроцентно убили. Только как доказать? И кто?

– И почему? – добавила Волька.

– Все время думаю, думаю, – пожаловалась Галка. – Понимаешь, я, оказывается, на самом-то деле совершенно не знаю про тетю ничего. Летняя жизнь – да. Тут мы всегда были вместе. С утра до ночи. Иногда еще на осенние каникулы меня к ней отправляли. Она к

нам заезжала, когда летела из Москвы за границу куда-нибудь, она путешествовать любила и зимой всегда путешествовала. Мне ее жизнь казалась такой... я не знаю... полной... В общем, мне хотелось быть как она. Во всем. И чтоб не зависеть ни от кого, чтоб за все отвечать, чтоб спокойно все было, как у нее, без криков и шума. Ну не может такой человек ни с того ни с сего умереть. Так не бывает.

– Бывает по-всякому, – мудро заметила Волька.

У нее было что сказать на тему внезапной смерти и неожиданных событий. Но внезапная смерть Галкиной тети и правда казалась какой-то странной.

– А когда человек умирает вроде как своей смертью, это как-то расследуют? – спросила она. – И кто ее нашел, она же одна жила? Или успела кому-то позвонить, когда ей стало плохо?..

– Пришла утром одна заказчица к назначенному времени. А ей никто не открыл. Вот она тревогу и подняла. Соседей позвала. Так и обнаружилось. Вечером Ната была совершенно здоровая. Многие ее видели. А ночью уснула и не проснулась. Странно ведь. Ну как такое может быть?

– Но ведь бывает, что люди засыпают и не просыпаются, – убежденно произнесла Волька.

Уж об этом она могла много чего рассказать.

– Бывает, конечно. Но что-то должно предшествовать. А тут – ни с того ни с сего, – горестно вздохнула Галка.

У нее собралась уже целая коллекция странностей, подсказывавших, что что-то не так с внезапным уходом тети в мир иной:

– Что меня особенно поразило, когда мы приехали на похороны, – удивительный порядок. Ната не любила, чтобы все было в идеальном порядке. У нее в кабинете все было вечно разбросано, стол завален. На кухне всегда полная раковина посуды – она посудомойку запускала, только когда в раковине места не оставалось совсем. Не любила на все эти пустяки время тратить. Правда, в доме так много места, что беспорядок в глаза не лез. А тетя все время Достоевского цитировала в свое оправдание. Говорила, что у старухи, которую Раскольников убил, было в доме невероятно чисто, как это бывает «только у очень старых и очень злых вдовиц». «А я, – говорила она, – никак под это определение не подхожу. И не вдовица, и не старая, и не злая. Так что – мне можно». А мы как приехали, сразу в глаза бросилось, что слишком все на своих местах. И никто не убирался! Все осталось так, как было при тете!

– Ну, мало ли... – не соглашалась Волька. – А вдруг она как раз в тот вечер перед сном прибралась? Ведь убиралась же она когда-то?

– Убиралась... Но все равно странно. Чтоб такой идеальный порядок...

– И ты что? Думаешь, ее убили и прибрались во всем доме? И посуду помыли? Действительно, странно как-то...

– Да, конечно... И у дома камеры, если бы кто-то зашел, все бы записалось. Но я почему-то все думаю и думаю об этом, – не унималась Галка.

Эти разговоры, возникавшие время от времени, были мучительными. Помочь ничем все равно нельзя было. И изменить что-то тоже не получилось бы при всем желании. Оставалось только слушать и сочувствовать. Хотя Галка не так уж часто заводила эти разговоры. Но видно было, что сама себе она покоя не дает, все спрашивает и спрашивает.

А в остальном... Волька не могла позволить себе грустить рядом с морем. И ведь все равно – умирают все. И Галка осталась без любимой тети – да, но при этом оказалась вполне богатой. Тоска пройдет со временем, а комфортная жизнь в прекрасном доме останется. Все равно ведь ничего не вернешь. Оттуда не возвращаются. Вольке казалось, что, если бы у нее был такой дом, она бы никогда не печалилась и жила бы припеваючи. Галка словно

чувствовала настроение подруги и просила прощения за то, что своими разговорами портит ей настроение. Но все это были мелочи по сравнению с той прекрасной жизнью, которой они жили.

Кроме великого счастья видеть море с утра до вечера в жизни Вольки появилось еще одно счастье: люди. Люди, которых она не стеснялась, с которыми ей было радостно, интересно, весело. Конечно, все это было временно. Это Волька четко осознавала, не позволяя себе печалиться при мысли о расставании со счастьем. Эта радость была подарена ей только на тот месяц, что она гостила в Галкином доме. И именно из-за этой временности возникала легкость. Волька не боялась, что кто-то узнает об их семейной бедности. Она разрешила себе быть счастливой просто потому, что она есть. Никаких суперодежд летом в жару не требовалось. Шорты, майки, пара сарафанчиков, шлепанцы – вот и все, что нужно было в это время года любому отдыхающему на юге. Волька впервые в жизни себе нравилась. Волосы выгорели, распушились, глаза сияли, ровный загар – она любовалась собой по утрам после душа.

– Как хорошо! Как все у меня хорошо! – повторяла она, улыбаясь самой себе.

Она совершенно не думала тогда о том, что и это прекрасное время пройдет. Она просто жила в своем прекрасном времени и наслаждалась, ничего не боясь и ничего не загадывая.

Галка знала почти всех в поселке, и ее знали все: она выросла на их глазах. Со многими ровесниками дружила с пеленок: Ната забирала маленькую племянницу к себе на лето с первого года ее жизни. И еще – у тети годами отдыхали одни и те же люди, ставшие почти родственниками. И этим летом два месяца жили супруги-москвичи, лет пятнадцать подряд приезжающие в одно и то же время к морю. Раньше с детьми отдыхали, теперь с внуками. Галка и не думала, что они соберутся приехать этим летом – не хотелось ей без тети заниматься пока приемом постояльцев, однако люди так просились и так сокрушались, что не получилось отказать им. Они заехали в конце мая, зашли к соседям за ключами (тетя всегда оставляла ближайшим соседям запасные ключи от дома) и зажили, как прежде. Ну, а раз уж так, то и следующим постояльцам Галка отказывать не стала, тем более к ним она была по-настоящему привязана с раннего детства. Муж, жена и двое сыновей из Питера. Взрослые – ровесники ее родителей, врачи, вполне успешные, хоть и молодые, на вид казавшиеся старшими братом и сестрой своим детям. С сыновьями-погодками, 19- и 18-летними студентами, Галка каждое лето своей жизни встречалась в тетиним доме. Можно сказать, выросли вместе, хотя, разъезжаясь в конце лета по своим городам, они почти не общались, за исключением тех редких случаев, когда питерские родители возили своих парней в Москву или Галкины предки навещали культурную столицу, чтобы дочь познакомилась с красотами северной Венеции.

При жизни тети убираться к постояльцам приходила два раза в неделю тетка Верка из поселка, говорливая – не унять. К себе в дом Ната ее не пускала – не хотела чужих у себя под носом. А к постояльцам – в самый раз. Она и пылесосила у них, и белье меняла, и в стирку его закидывала. Гладила же белье сама Ната. Ей просто нравилось гладить. Ее это успокаивало почему-то. Она расставляла широкую гладильную доску, брала свой любимый утюг, похожий на океанский лайнер, и начиналась работа. Сколько они с Галкой песен спели, о чем только не переговаривали, пока тетя утюжила белье! Маленькая Галка тоже хотела гладить вместе с Натой, и однажды они вместе пошли в магазин электротоваров и выбрали утюг невероятной красоты, тот, на который указала племянница. Это была не работа, а настоящий праздник. Белье пахло чистотой, морем, солнцем, цветами из их сада. Их утюги шипели, выпуская пар, песни так и лились...

Теперь глажкой занимались Галка с Волькой. Волька тоже втянулась в процесс, она даже подпевать стала, когда подруга затягивала песни. Иногда к ним присоединялась Альба, дочка соседей, у которых хранились запасные ключи от дома. Девчонки тоже были ровес-

ницами и с детских лет встречались у моря. Альба с родителями и старшим братом жили в Москве, но отец ее родился в этом самом поселке и детство провел на том самом участке земли, на котором сейчас возвышался бревенчатый терем с огромными окнами, террасами и балконами, спроектированный тетей Натой по заказу соседа. Старая рыбацкая хижина с соломенной крышей, принадлежавшая прежним поколениям семьи, стояла в глубине участка, была побелена, отремонтирована и служила своего рода семейным музеем, свидетельствующим о росте благосостояния и запросов нового поколения.

Впервые увидев Альбу, Волька была сражена ее красотой. Красота эта была такая настоящая, само собой разумеющаяся, что, казалось, ничто не может ее исказить или затмить. Ей ничего не нужно было делать специально, чтобы украсить себя. В любой одежде она была хороша. Это она украшала все, что надевала на себя. Как описать ее красоту? Высокая, стройная, быстрая, со светлыми вьющимися волосами и огромными зелеными глазами, с тонкими щиколотками и узкими запястьями... Все так... Но было что-то еще, что не описать словами. В ней словно сошлись все стихии: вода, воздух, огонь, земля. И сошлись гармонично, не ради бурь и страстей, а ради счастья и полноты жизни. Волька даже не завидовала красоте Альбы, уж слишком недостижимо совершенна была она. Но, похоже, сама Альба даже не понимала, какой обладает силой. Совершенно открытая и искренняя с подругами, Альба жаловалась на какую-то безответную любовь и девичьи страдания, пересказывала, что он написал, что она ответила, как она ждала, а он не позвонил...

И все такое прочее. Галка в ответ на историю безответной любви подруги предлагала Альбе пойти и посмотреть в зеркало. И кое-что понять про себя.

– Да любой счастлив будет! Просто оказаться рядом с тобой – и то уже счастье! Что ты все выдумываешь? – возмущалась она.

– Может быть, он просто комплексует, боится тебя, – поддакивала Волька. Ей-то было ясно, что Альба может влюбить в себя кого угодно на раз-два-три.

– Не родись красивой, а родись счастливой, – горестно вздыхала Альба.

– А то ты несчастливая! – смеялась Галка.

Альба пела с ними. Ее голос, глубокий, сильный, перекрывал их голоса, и хотелось слушать именно ее, наслаждаться ее даром и ее красотой.

А еще Альба затевала всякие игры. Одна такая игра давалась Вольке с огромным трудом. Они задавали друг другу вопросы. Ответать полагалось одним словом, не раздумывая. И абсолютно честно.

– Что ты в себе больше всего любишь? – спрашивала Альба.

– Отвечай первая, – требовала Галка.

– Радость, – отвечала Альба. – А теперь ты, Галь, говори.

– У меня память отличная. Спасибо ей, – звучал ответ.

У Галки действительно была необыкновенная память. Ей достаточно было один раз прочитать стихотворение, чтобы потом без запинки его повторить. Да что стихотворение! Она запоминала тексты из учебников! Прямо на перемене, перед уроком – прочитает и идет отвечать. Редкий дар, которому все завидовали.

– А ты, Волька?

– Молчание, – говорила Волька.

– Тебе нравится молчать? – удивлялась Альба.

– Не знаю, нравится или нет. Я об этом даже не думала. Просто – умею молчать.

– Но тебе это качество нравится больше всего? – настаивала Альба.

– Надо подумать... Но надо же было быстро отвечать. Вы небось годами играете, – защищалась Волька.

Потом следовал вопрос о том, что каждой не нравится в себе больше всего.

– Я слишком влюбчивая. И все время страдаю, – смеясь, признавалась Альба.

- Я некрасивая, – вздыхала Галка.
- Что ты врешь! – возмущалась Альба.
- Я честно сказала, – настаивала Галка.
- Ты очень красивая, что ты выдумываешь!

Волька была поражена Галкиным ответом. Сколько лет они вместе, а она даже не подозревала, что подруга считает себя некрасивой. Совершенно несправедливо считает!

- А с чего ты это взяла? – в один голос спросили у Галки подруги.
- В меня никто никогда не влюблялся...

– Влюблялись! Я свидетель! И имена могу назвать! – Волька отлично знала, кто и когда был влюблен в Галку в школе.

- Но не те, кого я любила.
- Ты очень красивая! – убеждала Альба. – И все говорят...
- Но я же ответила одним словом! – вздыхала Галка.

Пока шла перепалка по поводу Галкиного признания, Волька лихорадочно думала о том, что же ей ответить. Ей в себе очень многое не нравилось. И когда глаза подруг обратились к ней, она произнесла:

- Молчание.
- Вот это да! – расхохоталась Альба. – И нравится больше всего, и не нравится больше всего! Так бывает?

– Получается, да, – пожала плечами Волька. – Я хочу перестать молчать все время. Раньше думала, что это самое правильное – молчать. А сейчас поняла, что нет.

- Хитрая ты! А я и не знала, – удивилась Галка.

Но не было никакой хитрости в Волькиных ответах. Она и правда задумалась над этими простыми вопросами. Понять себя – вот чем они помогли ей.

Однажды Альба придумала совершенно дурацкий и бесполезный вопрос. Но и на него полагалось отвечать честно, как полагалось правилами игры.

- Девчонки, а у вас уже б ы л о? – почему-то переходя на шепот, спросила Альба.

Все, конечно, поняли, о чем идет речь.

- Начинай! – велела Галка Альбе.
- У меня – нет, – ответила та. – Из-за этого все мои беды.
- Какие беды? Из-за этого?

– Такие, что меня парень бросил. Он сказал, что какая это любовь, если я на это не соглашаюсь. Говорит, я так старой девой и останусь. А я ничего не могу с собой поделать. Ну не могу, и все. Может, и правда старой девой останусь?..

– Тогда и я останусь старой девой, – вмешалась Волька. – Куда спешить? И зачем? Потому что у всех вокруг уже б ы л о? У меня другие цели. И потом – я только по любви. Хоть будет хорошее воспоминание. А просто так...

- И я – старая дева, – с хохотом сообщила Галка.

– Все с нами ясно! Нам надо свой монастырь организовать, – радостно подытожила Альба.

А еще был вопрос про самую главную мечту.

И Альба сказала:

- Любить и быть любимой.

И Галка сказала:

- Любовь.

А Волька сказала:

- Независимость.

Она давно знала, что не сможет себе позволить любовь, пока живет в такой некрасивой бедности.

Нет, как ни крути, несчастливой Альбу назвать было нельзя. Она родилась от добрых и сильных родителей, любящих ее и брата. Отец ее был генералом, мама адвокатом. Дом – полная чаша. Гостеприимные хозяева вечно устраивали посиделки у себя дома, собирали друзей. Альба, приходя к Галке гладить белье, всегда приносила «передачу от мамы»: сумку, набитую всякой снедью.

– Мама не верит, что вы нормально питаетесь. Вот вам, – освобождалась от тяжелой ноши Альба. – Вы уж ешьте, поправляйтесь, а то мама еще больше меня в следующий раз нагрузит.

С родителями генерала тетя Ната познакомилась в первый же день, как приехала смотреть выделенный ей участок. Они пригласили ее к себе, угостили, расспросили. Предложили прежде всего поставить на участке фанерную временку и выкопать сортир. А потом уже потихонечку, из года в год строить дачку. Ната поблагодарила за совет, от рытья сортира отказалась. Она собиралась строить дом с городскими удобствами, чем сразила их, местных жителей чуть ли не в десятом поколении, наповал. И все у нее получилось. Соседи все ходили любоваться на новостройку. А потом привели сына с невесткой, когда те приехали в отпуск.

– Слушай, ты архитектор, да? – обратился к Натке парень в военной форме. – Сделай мне проект. Чтоб внутри было, как у тебя. А снаружи по-другому, чтоб было красиво!

– Жор, ну что ты такое говоришь? Ну как же у Наташи некрасиво! Ведь шикарно же! – упрекнула мужа жена Татьяна.

– Ну я на свой вкус хочу. Чтоб места внутри было много, чтоб не тесниться – ни нам, ни родителям, ни детям, ни гостям. А снаружи чтоб красиво, как на картинке!

– На какой картинке? – возмутилась жена.

– Я знаю, на какой, – догадалась тогда Наташа. – Я вам сделаю проект. А вы потом скажете, правильно я поняла или нет.

Оказалось, что она совершенно точно представила себе, какую именно картинную красоту имел в виду будущий генерал. Так появился по соседству с Наткиным лаконичным домом трехэтажный бревенчатый терем с крышей-маковкой, огромными витринными окнами и с разными затейливыми пристройками: летней кухней с мангалом, огромной беседкой, тоже увенчанной крышей-луковкой, способной принять под свой кров человек пятьдесят, не меньше. Родители Альбы любили свой дом и при первой же возможности прилетали на свой берег. Отец собирался поселиться здесь, когда уйдет на пенсию, а пока – море, солнце и друзья доставались им лишь время от времени.

Когда Галка и Волька прилетели в опустевший тетин дом, в аэропорту их встретил дядя Жора, Георгий Федорович. Он обнял Галку, прижал к себе, стал гладить по макушке, приговаривая:

– Вот как увиделись! Кто же думал... Кто же знал... Нет Натки... Но мы с тобой, Галюша. Поможем всегда.

Увидев, что рядом стоит Волька, он и ее привлек к себе, спросив, почему Галка никогда не привозила с собой свою красавицу подружку.

– Ее родители не отпускали, – пояснила Галка.

– Боялись за меня, – подтвердила Волька. – Я их просила, а они...

– И я бы боялся, – кивнул дядя Жора. – Тут у нас места южные, похитить могут.

Волька вежливо улыбнулась.

– Но если ты под нашей защитой, бояться нечего.

Когда приехали к Галке постояльцы из Питера, родители Альбы позвали всех к себе на кефаль. С детства Волька думала, что же это такое – кефаль. Из-за песни «Шаланды полные кефали в Одессу Костя привозил...» Волька считала, что тут какая-то ошибка. Вместо

«кефаль» надо петь «кафель». Костя привозил полные шаланды кафеля. Кафель же всем нужен. Это ведь понятно. Но в размер песни «кафель» не укладывался. И Волька пела: «Шаланды полные кафеля...» В стихах же поэты меняют ударения для удобства. И рифму пришлось изменить: «Шаланды полные кафеля в Одессу кости привозил, и все биндюжники балдели, когда в пивную он входил...» И так она дожила почти до восемнадцати лет, когда вдруг обнаружилось, что кефаль – это рыба. И говорили, очень вкусная рыба! Вольке очень хотелось попробовать настоящую черноморскую кефаль. Ее только пугало, что соберется такое количество незнакомых людей, с которыми к тому же придется о чем-то говорить.

Людей действительно собралось немало, но никто не лез к ним с разговорами, все общались друг с другом, наслаждаясь вечерним дыханием моря, отдыхая от дневного зноя.

Кефаль действительно оказалась невероятно вкусной рыбой. Волька, наплававшись и назагоравшись днем, ословела от еды и лениво прислушивалась к разговорам за столом. Она слышала, как Галка жаловалась отцу Альбы, что не верит в естественную смерть тети и ничего с этим поделать не может. Ведь у Наты была такая спокойная, благополучная жизнь. Всего у нее имелось вдоволь, в том числе и здоровье. И плавала она, и на гору свою любимую ходила, и ела все свежее... С чего умирать? Так не бывает.

– Галчонок, вот поверь: я те же вопросы себе задавал. И говорил с ребятами, просил все расследовать досконально. Ну – нет ни единого повода считать, что Натка не своей смертью умерла. Полностью исключено. Мне бы врать не стали. И ты мне поверь. Я понимаю, ты принять это никак не можешь. Но что делать? Время тебе нужно... Время лечит.

Голос генерала звучал убедительно. Волька ему поверила. А Галка никак не хотела принять его слова, все приводила свои доводы.

– А давайте, девчонки, споем, – предложил генерал, отходя от Галки.

Волька огляделась. Альба принесла гитару. Волька не знала, что Альба играет на гитаре, зато знала, как она поет.

– Какую, пап? – спросила Альба.

– Мою любимую, – отвечал генерал. – Сама знаешь.

Рядом с Альбой села мама. Зазвучала песня. «Быстро молодость проходит, дни счастливые крадет, что назначено природой – обязательно случится», – послышался низкий мощный голос подруги. Вольке почему-то захотелось плакать. У нее словно душа встрепенулась и ожила. «То ли самое прекрасное, ну, самое прекрасное, в окошко постучится, то ли самое напрасное, ну, самое напрасное, в объятия упадет...»

К Альбе присоединилась мать, и голос ее был так же силен и чист, как у дочери. Волька смотрела во все глаза – они были прекрасны, взрослая статная женщина и ее юная копия.

– «Ах, не делайте запаса из любви и доброты, и про черный день грядущий не копите милосердия...»

Вольке казалось, что слова эти обращены к ней. Странно, что она никогда прежде не слышала эту песню. Она и не заметила, как песня закончилась:

– «Две жизни прожить не дано...»

Через мгновение тишины все словно выдохнули и принялись аплодировать. А Волька, совершенно не ожидавшая от себя такой смелости, громко попросила спеть еще раз.

– Никто не против? – спросила Альба, хотя и так было понятно, что все жаждут повторения.

И снова зазвучали аккорды гитары. Теперь Волька изо всех сил старалась запомнить слова.

– Галь, запомни мне песню, – прошептала она подруге, доверяя ее необыкновенной памяти.

– Я ее и так знаю, – еле слышно шепнула Галка. – Это Окуджава.

Альба с мамой пели песни, одна другой прекраснее, но Волька все повторяла про себя те слова первой песни, которые смогла запомнить.

– Ну ты, Георгий Федорович, богач! – воскликнул один из гостей, когда пение закончилось. – Среди такой красоты живешь!

– Двойной красотой окружен! – хвастливо подтвердил отец Альбы. – Да ведь и мы не лыком шиты. Мы с сыном – красавцы хоть куда! Так что у нас – двое на двое! Мужское-женское в полном равновесии.

– Да, семья образцовая, что тут скажешь.

– Видели бы вы нас в молодости! Что ни день, то сражение. Каждый свою свободу отстаивал так, что пух-перья летели. Мы – ребята горячие, да, жена?

– Еще какие, – подтвердила, смеясь, мама Альбы.

– А вы что, родители, – с интересом спросила Альба, – дрались даже, что ли? Никогда не поверю. При мне они не дрались, никогда не видела, – обратилась она к гостям.

– Нет, до драк не доходило, – засмеялся генерал. – У нас борьба шла за свободу и независимость. Скандалили по любому поводу. Вот однажды после месяца учений приезжаю. И дали мне дня три отдыха. Я, конечно, собирался их провести сугубо с молодой женой. Ну, она меня встречает, нарядная, красивая. Я дико соскучился за месяц. А она говорит, что мы должны ехать на день рождения к какой-то ее подруге. Ну, какой может быть день рождения чей-то, когда месяц не виделись? Она говорит, что давно пообещала, что подарок купила, что никак нельзя не пойти. А я ей говорю, не пойдем, мол, никуда. Устал я и хочу дома побыть. А жена отвечает: «Ну, и сиди дома, а я пойду, хоть подарок подарю и тут же вернусь». На такое я согласиться не мог. Обида меня взяла. Ну, я запер дверь, ключ спрятал. Приказал ложиться спать. Она аж вся кипела, только что не рыдала. А что сделаешь? Легли спать. Я ей говорю: «Вот какое тебе веселье нужно? Ты скажи. Я тебя развеселю без всякого дня рождения». (Девчонки, не слушать!) В общем, веселились от души. Я думал, она навеселится до полного изнеможения и уснет себе без задних ног. Я-то сам так и уснул богатырским сном. Утром просыпаюсь, ее рядом нет, и чувствую – что-то рука правая затекла. Хотел руку поднять – не могу! Тяжесть какая-то держит. Посмотрел – мама дорогая: а я прикован наручниками к моей собственной 16-килограммовой гире. Я обалдел. Понял, что жена со мной так пошутит. Зову, кричу – никого в квартире нет! Куда она делась без ключа? Потащился с гирей к своему тайнику (а я ключи от квартиры на антресоль закинул). Я тогда, без гири, подпрыгнул, дверцу антресольную открыл и ключи там спрятал. А теперь, с гирей, не подпрыгнешь. Потащился я за стремянкой, вскарабкался. Лежат ключи на антресоли, как я их туда положил. А дверь заперта. Чудес на свете не бывает. Куда ж она делась? Потом уж я узнал, что она через лоджию перелезла к соседке. При полном параде и с подарком! И ушла-таки на ДР. Сел я с этой гирей на кухне, достал одной рукой кефир из холодильника, сижу пью. Злой, как черт. Звонок в дверь. Ну, думаю, вернулась. Сейчас я ей покажу, думаю. А это ко мне курьер со службы пришел. Я, как Геракл, с этой долбаной гирей потащился дверь открывать. Курьер обалдел. «Что это у вас?» А я говорю, мол, физкультурой занимаюсь. Чтобы физическую форму поддерживать. А он: «А наручники зачем?» Ну, я ему наплел, что это я всегда так, чтобы отжаться столько раз, сколько наметил. В общем, курьер ушел с вытаращенными глазами. Я, конечно, хотел дожидаться, когда она домой вернется. Стояла бы под дверью, а я бы подумал, открывать ей или нет. Но потом понял, что так и прохожу целый день с этой гирей. Позвонил ей: где ключ от наручников? А она в ответ: а где ключ от квартиры?

Гости хохотали. Кто-то спросил:

– А откуда у вас в доме наручники были? Общевоинским офицерам вроде наручники не выдают? Или?

– Да это не мои, – вздохнул генерал. – Это вон ее, любимой жены. Она как юрфак окончила, ее следователем взяли. Вот она там и работала, опыта набиралась, пока в декрет не ушла. Ходила на службу с наручниками в сумочке. Пригодились... для страшной мести.

– А куда мне было деваться? – подключилась к рассказу жена. – Я же обещала на день рождения пойти! А он уснул. Я его пыталась разбудить – Жора, Жора, пойдем, пойдем. А он мычит и не просыпается. Ну, я обиделась. Подумала, что он меня насильно удерживает, без моего согласия. Вот я и решила... Сгоряча, конечно. Но что уж. – Она не выдержала и расхохоталась. – Вспомнить страшно, какими мы были дураками, а?

– Ужасными дураками, – подтвердил генерал. – Настоящими идиотами. Так ведь и доигрались бы до развода. Судьба не позволила. Вот послушайте дальше. Самое смешное – не это. Самое смешное – это то, что так я сильно ее веселил в ту ночь, что у нас Сашка родился! И родился день в день через девять месяцев. И все получилось очень символично: гиря – это бремя! Знак судьбы. Она мне – гирю! А я ей тоже кое-что. На память.

– А себе не на память?

Видно было, что нрав жены остался неизменным. Огонь не потух.

– Еще на какую! На вечную! Копию мою родила. Я как в роддоме увидел, ахнул. Чудо природы! Полное совпадение. А сейчас в одном нет сходства – ростом Сашка вымахал повыше меня.

– А я как получилась? – слышался смеющийся голос Альбы. – Почему вы никогда про это не рассказывали?

– Ну что, мать? Пришла пора? Рассказать? – обратился генерал к жене.

– Только в мягкой форме, – согласилась та.

– Не пугайте, родители! Опять наручники? На обеих руках? Или еще и на ногах? Говорите скорее! – потребовала Альба.

– Тогда не перебивай и слушай. Приехал я из служебной командировки. А маму твою с Сашкой маленьким оставил тогда тут, у моря, с моими родителями. Тогда еще стоял старый домик. Совсем маленький. Две комнатки и кухонька. Ну, пока меня не было, все размещались терпимо. Родители в одной каморке, жена с сыном в другой. Удобства во дворе, другого ни у кого в округе не имелось. А когда мы все вместе у них оказывались, Сашку отдавали родителям. А мы прямо на берегу ставили палатку, там и ночевали. Чудесные были ночи. Море живое – то баюкает, то будит. И спится сладко, и не спится сладко. Настоящий рай. И вот когда я в тот раз вернулся (а мог бы и не вернуться, запросто), счастливая жена потребовала, чтобы я устроил ей тысячу и одну ночь. Ну, тысячи и одной ночи у меня в запасе не было, отпуск две недели, я ж не султан. Но все, что в моих силах было, исполнить старался. Плавали мы ночью в море. Костры жгли... И никого вокруг. Никаких отдыхающих тут и в помине не было. И жена все повторяла: «Хочу девочку, чтобы была красивой, как Афродита из пены морской! Хочу девочку!» Я ей: «Давай повременим. Сашка маленький, я часто в командировках. И никогда не знаю, в каком виде вернусь». А мама ваша: «Не твое дело! Давай девочку!» Ну и мы... Да... Получила, что хотела? Как заказывала? – любовно обратился генерал к жене.

– Я – да. А ты? Может, другую заказывал?

– Нет. Я свое дело знаю. И за результат отвечаю.

– Спасибо, родители! Класс! Вот где моя настоящая родина. Практически в море. А почему тогда не Афродитой назвали? Раз именно она вышла из пены морской?

– Так мама сразу требовала девочку Альбиночку. Я Альбиночку и делал.

– А Альба – кто придумал так называть? – допытывалась дочь.

– Само как-то получилось, – ответила мать. – Альба – красиво получалось. А потом уже я узнала, что была такая испанская герцогиня Альба, у них с Гойей роман был. Счита-

лась самой красивой женщиной Испании. Ну, у них свои вкусы... А имя красивое. И тебе подходит.

– Прикиньте, родители у меня! – обратилась Альба подругам.

– Всем бы таких, – подтвердила Галка.

Родители Альбы чем-то напоминали ей своих, если судить по тому, что она сейчас услышала. Никогда они друг с другом не соглашались, всегда спорили, перечили... И все никак не могли повзрослеть в отличие от генерала с женой.

Волька тоже завидовала семье Альбы. У Альбы было все, чтобы не думать самой о будущем, не мечтать о лучшей доле. Вот она тогда, во время их игры, сказала, что самая главная ее мечта – любовь. Еще бы! Ей не надо выкарабкиваться из бедности, быть осторожной, просчитывать каждый шаг. Ей нечего стесняться, стыдиться. Ни убогой обстановки, ни одежды своей. Все уже есть. Конечно, можно любить, детей рожать. Ей тоже хотелось любви и детей. Чтобы они получались вот так: весело, с приключениями, бесстрашно. Хотя... Что уж там – бесстрашно. Папа Альбы сказал же, что не знал, в каком виде вернется. То есть – живым или мертвым. Так что – был все-таки страх. Да еще какой. А у них жизнь побеждала. Ну и пусть. У них так, а у нее иначе. Ей надо самой в люди выбиваться. И ни о чем другом не думать.

Она устала. Слишком много чужих. И новых впечатлений. И спать давно пора. Они с Галкой рано ложились, с приходом тьмы, внезапной, как всегда бывает на море. Зашло солнце за горизонт, небо загорелось, освещенное последними его лучами, и все – тьма. Сейчас тьма царила уже давно. На столе появились стеклянные фонарики с горящими внутри свечками. Стрекотали цикады. Ужасно громко стрекотали, заглушая шелест сонного моря.

– А вы уже ходили на гору? – услышала она вопрос и даже не сразу поняла, что обращаются к ней.

– Что-что? Прости, я задумалась.

Волька посмотрела на спрашивающего. С ней заговорил один из Галкиных братьев-постояльцев. Старший Егор, младший Андрей. Но похожи, как близнецы. Впрочем, Волька никогда не разглядывала их внимательно. Зачем ей? Они ходили вместе на пляж, играли в волейбол, вроде были из одной компании. Но это только до конца августа. А потом больше и не увидятся. Нечего и запоминать.

– Я Андрей, – сказал парень. Он привык, что все путают их. – Ты спать хочешь?

Волька расстроилась, что он прочитал ее мысли. Раньше она принялась бы отрицать, сказала бы, что просто отвлеклась от общего разговора. И замолчала бы, как камень, чтоб от нее отстали. Но тут все было по-другому. Она с первого дня у моря разрешила себе стать другой, не навсегда, на короткое морское время. Море и солнце не позволили ей оставаться холодным камнем. Она решила попробовать быть открытой – только до конца лета.

– Да, – ответила она. – Ужасно спать захотелось. – Мы тут обычно рано ложимся.

– Я заметил.

– Потому что мы рано встаем.

– Понятное дело.

– А что за гора? Все нас спрашивают, ходили ли мы на гору. Это достопримечательность местная?

– Можно и так сказать. Только о ней мало кто знает. Мы ее называем Наткина гора. Тетя Наташа нас на нее водила каждое лето. Хотя бы один раз, а поднимались. Бывало, и не один. Так что? Не ходили еще?

– Нет. Еще нет. А что в ней такого интересного?

– Это словами не передашь. Надо подняться. И спуститься. Тогда станет понятно. Может, пойдем завтра?

– Ну, пойдем. А высокая гора? По-настоящему?

– По-настоящему высокая гора, – улыбнулся Андрей.

Волька невольно улыбнулась ему в ответ. Вся ее настороженность пропала. Она не думала, почему. Просто ей легко было с ним говорить. Ни о чем. Или обо всем. О горе – так о горе, о море – так о море.

– А не жарко сейчас на гору идти? У меня в жару сил хватает только на то, чтобы до моря добежать и в воду плюхнуться.

– Ну не днем же идти!

– Ночью?

Волька так пошутила. Но Андрей ответил вполне серьезно:

– Почти ночью. Перед самым рассветом. Тогда даже прохладно. Пока к подножию горы придем, начнет светать. На горе окажемся – тогда уж солнце выйдет. Но спускаться будет легко. Главное – подъем. Ну что – пойдем?

– А кто еще пойдет?

– Да все и пойдут. Мы обычно всем нашим народом в гору идем. Такой у нас ритуал.

– Пойдем тогда. Конечно. Раз все.

Андрей отвернулся от Вольки, ища кого-то глазами.

– Альба, Альба, слышишь? Пойдем завтра на гору?

– Пойдем, договорились! – отозвалась та. – Во сколько выходим?

– Давай у наших ворот в полшестого?

– Мы ж не выспимся!

– Ну днем поспим.

– Ну ладно. Пойдем.

Андрей договорился «со всем народом». Все неуверенно отвечали, что выспаться хотелось бы, но, так уж и быть, пойдут.

Почему-то после этого случайного разговора спать расхотелось совершенно. Она ни о чем не думала. Нет, думала, как бы не проспять. И еще – что, если и проспит, ничего не случится. Ну, пойдут на гору без нее, только и всего. Что она потеряет? Море рядом. Что такое особенного может быть на этой горе? Никаких ожиданий у Вольки не было. Но не спалось – и все тут.

Проснувшись она от назойливого писка будильника. Темно же еще, чего он пищит? И тут же вспомнила, вскочила. Лучший способ проснуться – горячий душ. Она собралась за десять минут. Вольке не верилось, что будет прохладно. Она натянула легкий сарафанчик на тоненьких бретельках. Заставила себя выпить стакан воды. Завтракать не хотелось совсем. Ничего, поесть можно, когда вернутся.

Волька пошла посмотреть, собралась ли Галка. Та спала и просыпаться не думала.

– Галь, вставай. Мы же в гору идем, – попыталась растормошить подругу Волька.

– Идите, Воль, без меня.

– Но как же? Мы же все собирались?

– Ну походи без меня. – Галка упорно тыкалась носом в подушку.

– Ну днем поспим, – уговаривала Волька.

– Не в этом дело. Я... я просто не могу. Не могу пока без Наты. Может, следующим летом. Сейчас – нет. Понимаешь?

– Понимаю, – вздохнула Волька.

– Ты иди. Там правда классно. Это надо увидеть. И хорошо, что все собрались. Иди.

Волька выбежала за ворота. Она думала, что все уже собрались и ждут их с Галкой, но у ворот стоял только совершенно заспанный Андрей.

– А где все? – глупо спросила Волька.

– Я так понял, что все дрыхнут. Братик Егорушка, во всяком случае, даже глаз не продрал.

– А Галька из-за тети не может, – вздохнула Волька. – А что же Альба?

И тут телефон Андрея пискнул: смс.

– А вот и Альба. – Андрей протянул Вольке телефон.

Там было: «Я сплю. Идите сами».

– Видишь, послала нас, – засмеялся Андрей.

– Хорошо не на три буквы.

– На четыре. Гора – четыре буквы. В общем, выше и дальше. Пойдем?

– Пойдем, – легко согласилась Волька.

И они пошли.

Сначала они удалились от моря, вышли на аллею у дороги. Все вокруг спало. Ни одна машина не проехала, пока они шли. В ранних сумерках аллея пирамидальных тополей казалась бесконечно призрачной. Утренняя прохлада заставила Вольку съежиться.

– Замерзла? – спросил Андрей.

– Ну да. Не ожидала. Днем жара, как в Сахаре.

– Волька... – начал Андрей.

Она ждала продолжения, но ничего не последовало.

– Что? – полюбопытствовала она.

– Хотел спросить, но передумал. Тебя наверняка все об этом спрашивают. Подумал, надоело тебе на глупые вопросы отвечать.

– Ты про имя? – догадалась Волька.

– Ага. Хотел узнать, как тебя на самом деле зовут. Это же какое-то сокращение?

– На самом деле меня зовут Воля. Есть такое имя. Русское народное.

– Да ты что? Правда? Никогда не слышал.

– Мало ли всяких имен. Например, Воин. Слышал такое имя?

– Воин слышал. А про Волю никогда. Хорошее имя. Тебе идет. Кто придумал?

– Мама, – вздохнула Волька. – По слухам, она была очень вольная птица, любила приключения и яркую жизнь.

– Как это – по слухам? Ее что – нет больше?

– Есть. Конечно, есть! Только приключения больше не любит. И яркую жизнь тоже.

Наконец они вышли на окраину поселка и свернули на малозаметную тропку, по которой снова спустились к морю.

Вдалеке показалась горная гряда.

– Мы к тем горам идем? Далеко как!

– Не так далеко, как отсюда кажется. Скоро уже подойдем.

Вдоль моря, которое тоже казалось спящим и почти бесцветным, они действительно довольно быстро подошли к подножию пологой горы. Подъем на нее казался простым. Да и гора была скорее холмом. И, только поднявшись на холм и посмотрев вниз, Волька поняла, как высоко они забрались. Внизу все казалось маленьким: и высоченные деревья у подножия холма, и просыпающееся, яснеющее на глазах море. Ей хотелось идти все выше и выше, к простору, как будто к какой-то безграничной свободе. Над ними летали птицы, разбуженные их голосами. Большие, темные. Она таких никогда не видела прежде.

– Не устала? – спросил Андрей.

– Нет пока.

– Может, передохнешь?

– Так я же не устала. Пойдем дальше.

– Дальше начнется серьезный участок.

– Опасный?

– Не думаю. Мы с Натой каждый год сюда ходили, начали еще совсем малышами. И ничего с нами никогда не случилось. Только надо быть внимательными. Правильно выбирать камень, на который ступаешь. И вниз лучше не смотреть.

Насчет «не смотреть» Волька уже поняла и так. Не то чтобы голова ее кружилась, когда она вглядывалась в оставленный ими прибрежный мир... Но пугало именно чувство оторванности от всего привычного и надежного.

За холмом начиналась настоящая гора. Никакой тропы, ведущей наверх, Волька не увидела. Куда идти?

– Иди за мной, – как будто услышал ее мысли Андрей. – След в след.

Уже с первых шагов Волька многое про себя поняла. Во-первых, какой надо было быть дурилой, чтобы пойти в гору во вьетнамках. Ей приходилось контролировать каждый свой шаг, чтобы эти резиновые подошвы, едва держащиеся на ногах, не свалились с нее. Тогда бы она не смогла ступить ни шагу: вокруг росли колючки да и камни казались слишком острыми. Во-вторых, она вообще ненавидела всякого рода физкультуру. Плавать, бегать – это еще куда ни шло. А вот забраться по канату под потолок спортзала – это было выше ее сил, так ни разу за все школьные годы ничего и не получилось. И в-третьих: почему она раньше ни о чем таком не подумала? Но тут же пришла спасительная мысль: если Галкина тетя брала с собой малышню и все они из года в год взбирались на эту гору, то чем она хуже? Вот она и ползла, не оглядываясь, не подгоняя себя. Андрей тоже почти не оглядывался, только спрашивал:

– Как ты? Идешь?

– Ага, – отвечала Волька.

Сколько продолжался их подъем, определить у нее не получилось. Ей казалось, что время остановилось, что путь их никогда не закончится. Но вдруг, сделав один шаг, Волька увидела перед собой почти ровную обширную площадку: гору в этом месте будто бы срезало гигантским ножом. Андрей подал Вольке руку, еще шаг – и они уже стояли на плато.

– Надо передохнуть, – сказал он.

– Очень надо! – подтвердила Волька.

Ноги ее дрожали. Она со страхом думала о том, что придется спускаться вниз и что тогда-то она уж точно потеряет свои дурацкие вьетнамки. И останется стоять на уступе горы.

– Самый сложный участок прошли, – утешительно произнес Андрей, – можем сейчас сесть, попить водички.

Он снял с плеч полупустой рюкзак, принялся его расстегивать. Волька с любопытством оглядывалась. Даже тут, на ровной площадке, покрытой сухой желтой скудной травой, смотреть вниз было жутко. Голова кружилась.

– Главное, забудь о том, что ты человек. Смотри вниз, как птица. Или просто камень. Или травинка, – посоветовал Андрей. – Тогда поймешь кайф. Иначе страх помешает.

Волька представила себя камнем. Камень смотрел со своей вершины на неведомый нижний мир. Море уже веселилось под рассветными лучами солнца. Его гладь простиралась бесконечно далеко. Человеческий мир стал недосыгаемым. Тишина стояла невероятная – не мертвая, а живая тишина вечного мира природы. Птицы, которые летали над ними перед их восхождением, оказались далеко внизу. Полное одиночество не пугало, не радовало. Просто так было. И иначе быть не могло. Андрей протянул ей бутылочку воды. И в этот миг что-то мелькнуло перед глазами – что-то длинное, юркое с шуршанием скользнуло по ее ноге и мгновенно скрылось.

Змея! Волька чувствовала ледяной холод в том месте, где ступни ее коснулась эта тварь. Ей хотелось крикнуть, но она окаменела. Как обычно. И вдруг она поняла, что камнеет, как мать. Застывает, как камень. Как ей не нравилось это окаменение матери! А оказалось, что сама она ничем не отличается. Как много иногда может вместить в себя доля секунды!

И осознание, и страх, и отказ от страха... Волька приказала себе не загонять страх внутрь. Вскрикнула. Закрыла лицо руками. Подняла ногу.

– Змея! – крикнула она. – Ай! Змея!

Андрей все видел. И он на долю секунды окаменел, это Волька заметила. Она сейчас все замечала особенно четко, все мельчайшие детали запечатлевались в ее памяти.

– Укусила? Ужалила! – в ужасе воскликнул Андрей.

Он сел на землю с сухой травой, взял ее ступню в руки, стал искать место укуса.

– Нет. Кажется, Нет. Я не знаю.

Вольку била дрожь, несмотря на яркое солнце и надвигающуюся жару.

– Где-то больно? – Андрей продолжал рассматривать Волькину пыльную ногу.

– Нигде не больно. Она просто проползла. А я просто испугалась.

Она стояла на одной ноге как цапля, опираясь на его плечо, чувствуя тепло руки Андрея. Он вдруг поцеловал ее ступню. Сердце Вольки ужасно забилося. Гораздо сильнее, чем когда по ноге ее скользнула змея. И дальше она сделала то, чего совсем от себя не ожидала: наклонилась и поцеловала его волосы. Андрей вскочил на ноги, и они обнялись. И опять время словно остановилось. Сколько они так простояли? Секунду? Час? Это было первое в ее жизни объятие. Старая дева, что тут говорить.

Она вдруг вспомнила о самом важном сейчас. А вдруг тут куча змей? Вдруг это их змеиное место, а они им мешают спокойно жить. Волька чуть отстранилась и спросила:

– А раньше вам тут змеи попадались?

– Никогда! Это первый раз! – уверил Андрей.

– Как ты думаешь, она ядовитая?

– Не представляю. Слышал, что есть тут гадюки. Подожди, я гляну.

Андрей вытащил из кармана телефон, набрал в поиске «Змеи Кавказа».

– Вот, смотри: есть кавказские гадюки. Вот фотки. Это такая? Похожа?

– Я не разглядела. Она просто мелькнула. И все. Длинная... Фу...

– Чрезвычайно опасная, кстати. Но вообще-то они людей боятся. Стараются их избегать. Но есть еще и ужи. Вот: обыкновенные и водяные. И ужи длиннее гадюк. Может, это уж был? Гадюки короче. Но они сырость любят...

– Знаешь, ну их... Лучше думать, что это случайный уж. И что он сам дико испугался.

– Я не меньше. Только ты больше не ходи в горы во вьетнамках. Глупая обувь.

Они так и стояли, обнявшись.

– Ты даже не представляешь, насколько глупая. Думала, не заберусь сюда. И не знаю, как спущусь отсюда.

– Спускаться будет легко, увидишь. Только сначала надо будет еще немного подняться. Немного, правда. А спуск – одна радость. Сможем?

– Сможем!

Они еще немного постояли, не в силах оторваться друг от друга. Море сияло. Бескрайний мир был добр к ним, обнимая своей доброй солнечной тишиной. Сухая трава легко пахла горечью.

Как все странно устроено в жизни. Еще вчера она не думала об Андрее, не смотрела в его сторону – да-да, совсем не смотрела. Он был ей никто – совсем. А сейчас он – ее счастье. Так она считала. Он – счастье. Пусть даже только на это утро. И потом они снова перестанут смотреть друг на друга. И пусть. Но сейчас – это время их счастья. И лучше об этом молчать. Просто дышать им, как дышала она все эти дни морским воздухом и не могла надышаться.

Этот заключительный подъем оказался короче и легче предыдущего, можно было идти, взявшись за руки. Андрей рассказывал про Нату, про то, как давным-давно она нашла эту гору, взобралась на нее. Никто сюда не ходил и не ходит – нечего тут делать. А она проложила этот путь. И главная награда этого пути тем, кто поднялся, впереди. Волька слушала вполуха,

радуясь тому, что ее рука была в его руке. Она не боялась ничего. Ни-че-го вообще! Не пугала себя и не предупреждала. Они преодолевали пространство, но время для нее остановилось.

Наконец они оказались на самой вершине горы. Неужели она сделала это? Под ними расстился мир, полный счастливых чудес. Надвигалась жара, но тут гулял ветерок. Вольке хотелось остаться здесь. И сойти к морю. Все одновременно. Для полного счастья.

– А как же мы спустимся отсюда?

– Сейчас увидишь.

Волька смотрела в ту сторону, откуда они пришли. Ей не хотелось возвращаться назад, к острым камням, колючкам и к змее, которая запросто может напасть.

Андрей обнял Вольку за плечи и развернул:

– Смотри: еще несколько шагов до того обрыва, а дальше спуск.

– До обрыва?

– Да. Отсюда кажется, что там обрыв, а за ним пропасть. Но – посмотри...

Они прошли несколько шагов. Волька была твердо уверена, что сейчас увидит глубокую отвесную впадину. Там действительно был обрыв, но высотой меньше метра. А дальше начинался удобный пологий склон. С «обрыва» надо было прыгнуть, а потом идти себе беззаботно.

Андрей прыгнул первым и подал руку Вольке.

– И что же? Как ваша Ната вас, маленьких, оттуда перетаскивала?

– Брала каждого по очереди сверху и ставила сюда. А потом, когда подросли, мы уж сами...

– И никто-никто сюда не ходил?

– Похоже, никто. Во всяком случае, никаких следов пребывания человека нигде не обнаружено.

– Ну да, ни бутылок, ни пакетов, ни окурков. Что ж такое?

– Да вот как-то так. Но ты потом сама поймешь, в чем дело. Хотя это только мое предположение.

– Но все равно... Когда-нибудь докопаются.

– Я тоже об этом думал. Когда-нибудь – наверняка. Нашла Ната, найдет кто-то еще. Но что об этом думать? Сейчас это место наше. Из новых людей только ты здесь побывала.

Так и шли они, болтая о том о сем. Спустились к морю. Волька увидела очень маленькую бухточку, окруженную скалами. Место для двоих. Наверняка во время прилива там и пляж весь заливают. Вот почему даже со стороны моря нет никакого смысла надолго приставать туда.

– Супер! Тайное место! Но отсюда выбраться можно только вплавь! Как у вас с Натой получалось?

– Потом увидишь. Сейчас давай плавать!

Волька поплыла вдоль скалы, углубившейся далеко в море. Ей хотелось посмотреть, как выглядит берег, на котором они должны оказаться, чтобы потом выбраться к людям. Не то чтобы ей так уж хотелось к людям, но все-таки важно было наверняка убедиться, что сегодня ей больше не придется забираться на гору. Она увидела пустой галечный пляж, длинный-длинный, поняла, что домой они вернутся берегом моря, и успокоилась. Андрей уплыл далеко-далеко от берега, она лениво поплыла в его сторону, потом легла на спину и стала покачиваться на тихих волнах. Она чувствовала, что скоро он окажется рядом, ничего больше ей не требовалось. Вскоре она услышала плеск воды и его дыхание. Он подплыл к ней и осторожно обнял.

– Тихо, – шепнул он. – Посмотри туда.

Волька взглянула. Неподалеку от них плыла змея, держа маленькую голову высоко над водой. Она не обращала на них никакого внимания, бесшумно плыла себе к берегу, длинная, сильная. Волька прижалась к Андрею, он обнял ее, не сводя глаз с плывущей змеи.

– Я с тобой, ничего не бойся, – шепнул он.

Змея подплыла к берегу, выползла на сушу и скрылась из глаз.

– Ей до нас нет никакого дела. У нее своя жизнь, у нас своя, – убежденно сказал Андрей и поцеловал ее в ухо.

Волька хотела сказать, что на сегодня что-то много змей. И что она испугалась. И что как теперь идти по берегу, если тут повсюду змеи, но ничего не успела – Андрей снова поцеловал ее. Первый в ее жизни настоящий, взрослый поцелуй. Подарок моря. Она чуть под воду не ушла с головой, забыв обо всем на свете. Взмахнула руками, поплыла к берегу. Сердце ее билось ужасно. Не от страха. От чего-то совсем непонятного, от которого надо было бежать. А он пусть ловит. Она загадала: поймают – они будут вместе. И пусть всегда. А если нет, ничего не понятно. Туман.

Конечно, он ее поймал – в маленькой бухточке разве могло быть иначе. Поймал, и они стали самозабвенно целоваться. Волька думала, что если бы не Андрей, она так бы за всю оставшуюся жизнь ни с кем вообще не поцеловалась бы. Он и есть тот единственный, подумала она. Как же она не поняла сразу? Почему не думала о нем все эти дни?

– Сколько времени потеряли, – сказал Андрей.

– Ты о чем? – спросила Волька, прекрасно понимая, о чем он.

– Я о тебе. О нас. Давай, ты и я – будем «мы». Вместе.

– Мы и так вместе.

– Я хочу, чтобы мы всегда были вместе.

Вольке очень хотелось сказать, что и она тоже хочет этого «всегда», но она помнила, сколько дней у них осталось. Тут, у моря, у них было две недели. Но это огромный срок. Столько счастья в ее жизни никогда не было.

– А ты? – настойчиво произнес Андрей, ожидавший ее ответа.

– И я хочу быть с тобой. Только не получится.

– Получится. У нас все получится. Главное, нельзя сомневаться.

Волька не отвечала. Она молча уговаривала себя не сомневаться ни в чем и жить только сегодняшним счастьем. Он снова обнял ее, они целовались и целовались, как будто все уже было решено между ними, как будто и правда они теперь вместе и навсегда.

Наконец они оба почувствовали жуткий голод.

– Ужасно есть хочется, – вздохнула Волька.

– Тогда пойдем к людям, там еда. – Андрей принялся натягивать футболку.

– А мы разве не вплавь? – удивилась Волька.

– Нет, по суше. Это главное Натино открытие и есть. Одеваемся и идем.

Волька натянула сарафан, и они пошли, держась за руки. Перед тем как уйти, Волька оглянулась. Ей хотелось навсегда запомнить место, где она была так счастлива. Она пыталась понять, как же можно выбраться отсюда по суше. И еще – она хотела убедиться, что поблизости нет никакой змеи. Ведь где-то тут они живут.

Андрей подвел ее к неприметной складке в скале, достал фонарик из рюкзака и пригласил:

– Заходим по одному.

– Куда?

– А вот сюда.

Андрей осветил фонариком, и Волька увидела, что за складкой имеется какое-то узкое пространство.

– Это пещера? – спросила она.

– Похоже на то. Сейчас сама поймешь.

– А змей?

– Не было тут змей. Иди за мной. А в воде живут водяные змеи. Они безвредные.

Волька покорила. Они по очереди протиснулись в пещеру. Туда мог попасть только стройный человек. Толстый ни за что бы не пролез. Волька представила себе, как Галкина тетя, одна, оказывается в бухточке, как осматривает подножие скалы, находит это отверстие, бесстрашно идет в темноту. Бррр... Сильным она была человеком. В самой пещере было довольно просторно, и Волькино беспокойство прошло. Она осторожно ступала по мягкому влажному песку. Наконец впереди показался свет – выход был совсем рядом. И вот они стояли на том самом галечном пляже, который она видела со стороны моря.

– Так просто! – восхитилась она. – Но как Ната одна не побоялась туда пойти?

– Она такая была.

– Галка не верит, что она своей смертью умерла.

– Я тоже сначала не поверил. Как так? Такие люди должны долго жить. Но что-то пошло не так. Мои уверены, что все само собой получилось. Они заключение прочитали, говорят, естественная смерть.

– Все равно странно. И Галку жалко.

– Да, она обычно такая веселая, а сейчас стала не узнать.

– Это тут на нее навалилось. Пока мы сюда не прилетели, она как-то веселее была.

Если бы сейчас ее подруги слышали, как открыто умеет она болтать обо всем на свете. Вот бы посмеялись над тем ее ответом про то, что ей в себе больше всего нравится молчание. Как легко ушло то, что ей казалось незыблемым! Впрочем, она ни о чем не думала, о подругах почти не помнила. Ей только хотелось идти рядом с Андреем. А еще есть. Есть хотелось просто ужасно.

Вскоре они подошли к поселку, от которого до их дома оставалось идти не более получаса. У первого же дома стояла тетка, перед которой на широкой лавке были разложены всякие фрукты-овощи на продажу.

– Вот! Еда! – радостно засмеялся Андрей.

– А я денег с собой не взяла, – расстроилась Волька.

– А я взял. Говори, что тебе покупать.

– Я тебе верну, как только дома окажемся, – пообещала Волька.

– Я тебе верну! – угрожающе передразнил ее Андрей. – Не смей людей, а?

– А вот у меня пирожки, теплые еще, – вмешалась торговка. – Налетай, молодежь. С капустой, с луком и яйцами.

Они набрали пирожков, алычи, помидоров и чего-то еще, Волька уже не следила, что там укладывает в пакет Андрей. Она схватила теплый пирожок и принялась жадно есть.

– Вы откуда такие будете? – поинтересовалась продавщица.

– Вон, из Морского, – махнул рукой Андрей в сторону их поселка.

– А, это где богатые живут! Я так сразу и подумала, – произнесла тетка со значением.

Волька опустила глаза на свои еле дышащие вьетнамки, на пыльные кеды Андрея. Не так она представляла себе обувь богатых.

– Какие же мы богатые? – пожал плечами Андрей.

– Дома там построили богатые. Значит, и живут богатые. А что, плохо, что ль?

– Ну, это же не наши дома. Мы просто приехали отдыхать.

– А остановились-то не у нас, а у богатых. Значит, богатые и есть. Да на вас только глянуть достаточно – гладкие, красивые. А у нас только нищebroды комнаты снимают.

– Гладкие – это мы временно, – заметил Андрей. – Это молодые потому что пока. И тоже вполне себе нищebroды.

– Молодость! – восхитилась тетка, не обращая внимания на признание Андрея в ниществе. – Эх, мне бы молодость вернуть. Я, бывало, всегда утром на море бегала. Поплаваю, а потом сил – на весь день. А сейчас что? Мой старый только и умеет, что телевизор смотреть. А я одна деньги в дом несусь. Мне бы молодого. Вроде тебя, а?

Волька аж поперхнулась теткин пирожком.

Андрей рассмеялся.

– А что? Я вот все думаю: вот в сказках все говорят про молодильные яблочки да воду живую. Так? Значит, были они тогда. Точно были. Может, и сейчас есть. Найти бы, а? – размечталась тетка. Во рту ее сияли золотые коронки. – Вот скажи мне, красавица, я что же – любви уже не дождусь? Все? Крест на себе ставить?

– Дождетесь, – неожиданно для себя уверила Волька. – Вы веселая, готовите вкусно.

– А может, крем какой есть? Намазалась – и лет тридцать долой.

– Может, и есть. Я не знаю. А скажите, у вас тут много змей? – спросила Волька неожиданно для самой себя.

Тетка совсем не удивилась.

– Нет, – ответила она, – совсем мало, одна семья.

Волька со значением поглядела на Андрея. Тот снова засмеялся.

– Чего ж смешного? – не поняла тетка. – Говорю ж – одна семья. Ужики. Они там, у ручья, живут, никого не трогают. Мы сами по себе, они сами по себе. Нам друг от друга ничего не надо.

– Мы одного такого «ужика» в море только что видели. Длиннющий...

– Ну, это значит взрослый. Отец их. Или дед... А то и мать... Но они вообще-то в пресной воде живут. Недалеко от берега небось плыл?

– В общем, да. Домой возвращался. К ручью своему.

Действительно, они с Андреем шли мимо какого-то ручья, текущего к морю.

– А на гору они поднимаются? – продолжала допытываться Волька.

– Да кто ж их знает? Мне они не докладываются. Мало ли... Может, погреться вылезают. А вы, молодежь, о змеях не думайте. Живите себе и друг другу радуйтесь. Смотри, как он в тебя влюблен, – кивнула в сторону Андрея тетка. – Вот о нем и думай. А не о змеях. Змей вокруг полно. Что ж теперь?

После уничтожения пирожков идти было веселее. Волька доставала из пакета алычу, вытирала ее о край сарафана и поедала – одну за другой. И косточки бросала под деревья. Видели бы мама и бабушка! Их ребенок ест немытое! Ах! И косточками плюется. Ужас!

– А все-таки интересно, – обратилась она к Андрею, – почему никто из вас никогда тут змей не видел, а сегодня нам целых две попало. Может, это знак какой-то?

– А может, мы просто рано утром там оказались, вмешались в их обычную жизнь?

– Но вы же раньше тоже ходили на гору по утрам?

– Точно. Но змей никогда не видели.

– А сегодня целых две! Может, это что-то плохое? Вдруг они нас предупреждали?

Андрей засмеялся:

– О чем они нас предупреждали? А... Знаю. Не ходи в горы во вьетнамках, Волчок! – вот о чем.

– Это кто Волчок?

– Это ты Волчок! Такой маленький Волчок, который во сне приходит и кусает за бочок!

– Никого я не кусаю во сне.

– Вот и молодец. А все равно – Волчок.

– Ладно. Но я все-таки понять хочу – что значили змей? Хочу предупреждение понять.

Волька окончательно убедила себя, что появление змей сегодня утром что-то значило, надо было только разобраться, что именно. Мама все время говорит, что жизнь может изме-

ниться, как по щелчку выключателя. Был свет – щелк! – и тьма. И наоборот. И что надо уметь видеть знаки. Всегда есть какие-то предупреждения. Главное – услышать. Или – услышать и понять, что это именно знак, а не просто какой-то секундный эпизод. Мама совсем недавно говорила, что включиться в жизнь – значит уметь разглядеть метки судьбы. Волька понимала, о чем она. Но ведь и мама с ее жестоким опытом стала приглядываться к знакам уже после того, как этот опыт пришел. И не все можно разглядеть. Но две змеи – это точно не просто так.

– Давай разберемся, – задумался Андрей. – Что-то изменилось бы сегодня, если бы не змеи?

Волька представила себе весь их путь до того, как змея проскользнула по ее ноге. И вдруг совершенно четко осознала ответ.

– Все бы изменилось, – произнесла она с улыбкой.

– Да, – кивнул Андрей.

Они оба понимали, о чем речь.

– Значит – змея к добру, – постановил он.

– А это к добру? – Волька кивнула на их руки – одна в одной.

– Конечно. А ты что – по-другому думаешь?

– Нет, – честно ответила она.

– Тогда – спасибо змеям!

Они уже приблизились к своему поселку и шли по главной его улице – с рынком, магазинчиками и палатками со всякими пляжными мелочами. Совсем чуть-чуть, и покажется поворот к их пляжу. И тут Волькины вьетнамки отказали: резиновые ремешки на обеих ногах отвалились. Волька чуть не упала, споткнувшись.

– Ой! Как же я теперь дойду? Горячо!

Действительно – зной уже так раскалил дорогу, что ступать на нее голыми ногами было испытанием.

– Идем, новые купим. Сможешь до той палатки дойти?

Волька кое-как допрыгала до палатки и встала под козырек.

– Выбирай, – велел Андрей.

Она выбрала первые попавшиеся.

– Уверена? Давай лучше вон те. У них подошва толще. И к сарафанчику лучше подходят.

Те, что выбрал Андрей, были рублей на триста дороже. Волька засомневалась.

– Берите, эти правда красивее, – поддержала продавщица, точная копия тетки с пирожками, дородная, круглощекая, с золотыми зубами.

– Эти дороже, а мне тут что? Только до моря пару шагов...

– Да, – бесперемонно промолвила тетка, – у нас что подороже не берут. Одна нищета к нам едет. Кто побогаче, в заграничных морях купаются. В Грецию, в Грецию все летают. А у нас тут тоже Древняя Греция была. Чем им тут плохо?

Похоже, тут все местное населенное истрадалось в тоске по богатым покупателям и постояльцам.

– В Греции нищих побольше будет, – заметил Андрей. – Давайте нам те, которые для богатых.

«Для богатых» он произнес с издевкой.

– Я тебе деньги отдам, как вернемся, – шепнула Волька.

– Молчать, Волчок, – приказал Андрей.

Он поднял с земли ее изношенные вьетнамки и показал ей подошву: она была в клочья разодрана камнями.

– Ну что? Торжественные проводы на заслуженный отдых? – И забросил их в мусорку.

Как же ей не хотелось с ним расставаться!

– Сейчас спать завалишься? – спросил Андрей.

– Ага, ужасно не выспалась.

– Все тогда, пока!

Он махнул рукой на прощание и отправился в свой домик. И не сказал, что они встретятся после обеда. Или вечером. Вообще никак не обозначил время и место их следующей встречи. А вдруг это вообще ничего для него не значило? Вдруг он с каждой так целуется? С кем идет погулять, с тем и целуется? Волька ужаснулась. Все то счастье, которое происходило утром, исчезло, превратилось в серый испуг и тоску.

Она мрачно вошла в Галкин роскошный дом. Мать, небось, обзвонилась, раздраженно вспомнила Вольку. Они ведь перед ее отъездом договорились, что будут созваниваться по утрам и вечерам. И приходилось держать слово. А сегодня утром она не взяла с собой телефон – не тащить же его было на гору.

– Ну как, сходили? – поднялась ей навстречу Галка.

Она сидела за столом и пила чай, видимо, совсем недавно встала.

– Сходили и сходили. Вьетнамки разорвались совсем, – угрюмо ответила Волька.

– А ты во вьетнамках пошла? – ужаснулась Галка.

– Во вьетнамках.

– С ума сойти! Кто ж в горы?..

– А я в горах, Галь, никогда раньше не была. И никто меня не предупредил. И я никому претензий не предъявляю.

– Ты не выспалась! – постановила Галка. – Не злись. Есть будешь?

– Нет. Спать пойду.

– Ты маме позвони, она мне несколько раз звонила. Я сказала, что ты спишь, поздно вчера легли. А она говорит, почему я тогда не сплю, а ты спишь? Волнуются. Как сходили-то? Понравилось?

– Нормально сходили. Поднялись. Спустились. Поплавали, назад пошли.

– Скажи, там красота?

– Ну да.

– Кто еще был?

– В смысле? Что значит еще? – вконец разозлилась Волька.

– Ну, ты пошла. А кто еще смог проснуться? Не злись, сейчас поспишь, легче станет.

– Никто не смог проснуться. Только этот Андрей.

– Так вы вдвоем ходили? Ничего себе.

– А что в этом такого?

– Да ничего. Представила, как вы идете парочкой. Он никогда еще парочкой не ходил. Тут, по крайней мере. Мы его называли «непарный шелкопряд».

– Он и сейчас не парочкой шел. Просто вы все дрыхнуть изволили, – соврала Волька.

Она поднялась в свою комнату, увидела, что у нее десять пропущенных звонков, и разозлилась еще больше. Оставят они меня в покое хоть когда-нибудь? Я как при домашнем аресте должна за каждый шаг отчитываться. Сколько же можно! И все-таки она позвонила матери, услышала радостные возгласы и признания в невероятном беспокойстве, сообщила, что нельзя психовать, если человек утром спит или ушел поплавать без телефона. Сказала, что надоело ей это и родителям надо брать себя в руки как-то... Мать все-таки виноватым голосом попросила позвонить вечером, и Волька наконец плюхнулась в кровать. Сон не шел. Она лежала и думала, думала. Ей так хотелось вспоминать о своем счастье. Что же ей мешало? Только то, что он не назначил место и время их следующей встречи? Но ведь они рядом! И видятся целый день! Они же с Галкой, когда идут спать, не говорят друг другу:

«Увидимся завтра утром в девять часов на кухне». И так ведь понятно. Чего же психовать? К тому же Галка, которая ни о чем не догадалась, сказала «непарный шелкопряд». Что это значит? Если точно-точно? Можно было, конечно, как Андрей на горе, полезть за справкой в Интернет, но Вольке было лень. Главное слово – непарный. Оно и так вполне понятно, без дополнительных справок. Может быть, она зря себя накручивает? Хотя... Ей вспомнился недавний разговор с матерью. Та рассказывала о каком-то эпизоде из собственной юности и с горечью произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.